

Андрей ПЯТАК

МАРШ-БРОСОК

Рассказ

Это было давно, лет двадцать назад. Я служил ещё тогда в Советской армии. И не где-нибудь на периферии, а в центре Европы – в Германии, в той её части, которая называлась ГДР. Берлинская стена ещё была нерушима, и Эрих Хонеккер белозубо улыбался из чёрно-белых экранов допотопных «Рекордов» и «Изумрудов». Стояло жаркое лето восемьдесят девятого года.

Наш особый батальон связи располагался где-то в центре Дрездена. Из окон спальных кубриков были видны полуразрушенный костёл и трамвайные столбы, между которыми, похожие на игрушечные, проскакивали составы, – когда из двух, когда из трёх вагонов.

Выйдя за ворота КПП и перейдя улицу, можно было наткнуться на ещё одни железные ворота со звёздами дивизионного полка связи. Со стороны стадиона был низкий забор, наполовину каменный, наполовину деревянный, а за ним, пустырь. Там, где кончалось поросшее неизвестной травой поле, виднелась недостроенная, с десяток этажей, высотка.

В части я особыми качествами не выделялся и, как большинство механиков-радиорелейщиков, раз в три дня заступал в суточные наряды то по роте, то по столовой. Иногда со мною происходили невероятные казусы. Очередной мой наряд по столовой подходил к концу, и тут меня вызывает к себе начальник гарнизонной столовой прапорщик Малышев, просит помочь убрать посуду со свадебного стола в ДОСе* и унести всё в офицерскую столовую.

Я был, конечно, рад стараться в надежде перехватить лишний кусок колбасы или сыра. Но, когда я увидел белые шёлковые скатерти, заставленные грязными тарелками, настроения как-то поубавилось. Единственное, что я нашёл из съестного в холодильнике, была нарезка шикарного свадебного торта и две бутылки тёмного саксонского пива.

И тут я, что называется, добрался до бесплатного... Торт был бисквитно-кремовым с кофейной пропиткой. Но пиво оказалось слишком плотным и горьким. Поэтому торта я съел два куса, а пиво выпил только одно.

Когда я с хозяйственной сумкой, полной чисто вымытых тарелок и шёлковых штор вышел из подъезда, меня окрикнул сослуживец Вовка Кравцов:

– Признавайся, Андрюха, что стибрил?

– Да ничего я, Вова, не тибрил, видишь, посуду несусь в столовую.

– А-а... Тогда живей, а то ужин скоро.

Я пулей проскочил мимо тучной Вовкиной фигуры. И только тут до меня дошло, что я немного подшофе. В голове шумело, ноги заплетались. А если прямо сейчас экстренное построение по тревоге? «Нет, нет, нет», – я отмёл эти бредовые мысли. И неспешным шагом направился к столовой. Солдатская и офицерская столовые находились в одном здании, слепленном из дерева и профнастила. Их отделяла друг от друга лишь тонкая фанерная перегородка. Я без труда нашёл кабинет с табличкой на двери «Начальник столовой» и молча передал хозяйственную сумку Александру Сергеевичу.

На этом, как я думал, моя эпопея закончилась... Но по прибытии в казарму я узнал, что все свободные от нарядов военнослужащие должны пройти трёхкилометровый марш-бросок в ОЗК** на время. И тут мне стало дурно...

Немецкое солнце в тот год светило неизменно зло: двадцать пять градусов в тени. В каптёрке нам выдали эти самые ненавистные костюмы химзащиты и противогазы. Командир взвода лейтенант Зайченко приказал строиться в колонну по двое на улице. Затем наш взвод – пятнадцать душ, в линялых хэбэ и пыльных кирзовых сапогах, неровным строем направился в сторону стадиона. По бедру били сразу два подзума: один – противогазный, другой – с ОЗК. Стадион представлял из себя что-то типа школьного двора: беговая дорожка, футбольные ворота и полоса препятствий.

А у меня тем временем в животе началась настоящая революция. Жирный сладкий торт никак не хотел мирно сосуществовать с пенным горьким пивом в одном желудке. Была дана

* ДОС – дом офицерского состава.

** ОЗК – общевойсковой защитный костюм.

команда надеть ОЗК и противогазы. Я слышал её как бы в полусне. Но всё-таки кое-как напялил поверх гимнастёрки и сапог комбинезон «Радость рыбака» (резиновый плащ, резиновые сапоги и даже рукавицы резиновые). И это всё в такую жару. Пробежав один круг, я почувствовал, что меня сейчас стошнит прямо в противогаз. Перед глазами поплыли белые круги. А до финишных трёх километров оставалось ещё целых пять кругов ада.

И тут я, некрещённый и неверующий человек, начал (про себя) просить Бога о помощи: что, если доберусь до финиша живым, никогда не буду совать в рот что попало. Потом моё сознание выключилось. Я не помню, как преодолел последний круг и упал на траву. Помню только, что когда снимал эту ненавистную «резиновую кожу», в ней что-то по-лягушачьи хлюпало, а капли стекали за воротник гимнастёрки. Вот так, с помощью молитв и хорошего потоотделения, я избавился от хмеля в голове и неминуемой физиологической катастрофы. И я в тот день впервые в жизни задумался о возможном существовании Бога. И мне вдруг стало страшно...

177

Борис УСТИНОВ

В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ

*А нынче парк уже в снегу,
Шуга шуршит на берегу,
И пары бродят спозаранку.
Обзора колесо скрипит,
И дятел важное стучит,
А на катке – примёрзли санки.*

*Аттракционам вышел срок,
А детворе и невдомёк,
Что сани мастерятся летом.
И ёлка ёжится в лесу,
Под стать обзора колесу,
С непредсказуемым сюжетом.*

*Таких красавиц – не найдёшь.
Топор, пила, и ствол – под нож,
А на полянах – пни-колоды,
И лишь смолистая слеза
Сверкнёт, как чудо в образах,
Под шум весёлых хороводов!*

*Туман над Томью поредел,
Базар вороний погалдел,
Свет в гололёде отразился,
И сквозь небесное окно
Уже чуть-чуть сквозит весной.
И день как будто бы приснился!*

СЕДОЙ ПОЭТ

*Я, убелённый сединой,
На склоне лет пошёл в поэты:
Вдруг потянуло на куплеты.
А мне пора бы в мир иной.*

*Но я упрямо гну своё,
Мараю белую бумагу,
Как будто снова дал присягу,
Сжимая хладное цевьё!*

*Я понимаю молодых,
И все их творческие планы,
И поэтические раны:
Какие планы у седых?*

*Идти вперёд, заре навстречу,
Всё, что успею, то – моё,
Я не спешу – ещё не вечер.
Что возраст? Ерунда! Враньё!*